

*Л.Д. Тимченко, доктор юрид. наук,
профессор каф. конституционного и международного права
Ун-та внутр. дел
О.Ф. Соколинская,
адъюнкт каф. конституционного и международного права
Ун-та внутр. дел*

Международное уголовное право: процесс становления

В последние годы в связи с повышением роли международного права в регулировании международных отношений возрастает интерес к исследованию проблемы возникновения и развития новых отраслей и институтов международного права, в частности, международного уголовного права (МУП).

Исторический опыт свидетельствует, что преступность сопутствует развитию человеческого общества. От способности общества и государства противостоять преступности зависят их коренные интересы. Необходимость объединения усилий государств в борьбе против интернационализации преступности породили тенденцию к интернационализации уголовного права. Интернационализация в данном контексте означает увеличение числа общих элементов в уголовно-правовых и процессуальных нормах государств, повышение уровня их взаимодействия друг с другом на основе международного права. Правительства отмечают «широкий процесс прогрессивного развития международного уголовного права» [1]. На международном уровне ведется разработка стратегии борьбы с преступностью, теоретических основ сотрудничества государств в борьбе с международными преступлениями (МНП), преступлениями международного характера (ПМНХ) и общеуголовными преступлениями. Это проявляется в росте числа конвенций, обязывающих государства установить уголовную ответственность за определенные деяния, в развитии системы договоров о правовой помощи, в учреждении международных уголовных трибуналов.

Теоретический аспект рассматриваемого сотрудничества потребовал от участников международных научных проектов в указанной области внимания к деятельности международных органов правосудия, анализа проблем их функционирования, оценки их влияния на эффективность борьбы с МНП, на уровень правовой защищенности личности в новых условиях развития общества [2].

Признание МУП в качестве отрасли поддерживается не всеми представителями науки международного права. Различные исследователи

для изучения системы современного международного права применяются различные критерии. А, следовательно, и вывод о наличии или отсутствии признаваемых определенным ученым критериев в сфере отношений, регулируемых МУП, становится предметом индивидуальной оценки. Поэтому существует широкий разброс позиций, к тому же структурно меняющийся во времени. Некоторые ученые находятся на позиции отрицания МУП как отрасли международного права ввиду отсутствия санкций в материальных нормах и международных судебных органов для их осуществления. Другие считают критерием для выделения МУП в качестве отрасли международного права наличие международного юрисдикционного органа. И в зависимости от значения, которое вкладывается в этот критерий (а именно: какой юрисдикционный орган можно считать обладающим международной уголовной юрисдикцией), МУП признается, например, отраслью, появившейся после второй мировой войны в результате создания международных военных трибуналов [3] или наоборот, не признается таковой из-за отсутствия постоянно действующего юрисдикционного органа [4].

Необходимо отметить, что предпосылки для появления и формирования МУП создавались на протяжении многих веков. История возникновения и периодизации международного права до настоящего времени являются дискуссионными вопросами в науке международного права. Представляется, что в соответствии с теми же принципами и критериями, что и в международном праве в целом, с учетом конкретных материальных условий человеческого развития, общественно-экономических формаций и исторической эпохи следует рассматривать периодизацию и становление МУП [5]. Становление норм отдельных его институтов берет начало у истоков возникновения государства и права. Среди них видное место занимает институт выдачи преступников. Так, по мнению С.Д. Беди, выдача в любой форме является древним институтом, чье начало можно проследить с истоков цивилизации, когда не было еще ни стройной системы норм международного права, ни развернутого учения о нем [6].

Задолго до появления самой идеи международного права государства сотрудничали в борьбе с преступностью. В рабовладельческих государствах наиболее опасным преступлением считалось восстание рабов, поэтому государства обязывались оказывать друг другу помощь в подавлении этих восстаний. В договоре египетского фараона Рамзеса II с царем хеттов Хаттушили III, заключенным в 1296 г. до н.э., содержалось такое положение: «Если Рамзес разгневется на своих рабов, когда они учинят восстание, и пойдет усмирять их, то заодно с ним должен действовать и царь хеттов» [7]. Аналогичная практика была известна и государствам Древней Греции. Заключенный в 421 г. до н.э. между Афинами и Спартой мирный договор (Никиев мир) содержал обязательство Афин оказывать поддержку Спарте в случае восстания рабов.

Договоры того времени содержали и некоторые иные положения, которые ныне относятся к МУП.

Содержание института выдачи преступников изменяется с ходом истории. Кроме того, эти изменения тесно связаны с преобразованием института права убежища [8]. Если первоначально договоры о выдаче заключались лишь между двумя сторонами, то с начала XIX в. ясно видна тенденция к увеличению числа многосторонних соглашений о выдаче преступников. Одним из первых многосторонних договоров был Амьенский договор 1802 г., участниками которого были Франция, Испания, Голландия и Великобритания. Ст. 20 договора содержала положение о выдаче лиц, обвиняемых в совершении убийства, умышленного банкротства и подделке денежных знаков [9]. В некоторых странах были приняты специальные законы о выдаче преступников. Первой страной, которая приняла закон о выдаче преступников была Бельгия (1833 г.) [10].

В XIX в. зародилось такое направление международного сотрудничества как договорно-правовая координация борьбы с преступлениями, затрагивающими интересы нескольких государств. До 30-х гг. XX ст. сложился комплекс конвенций, каждая из которых посвящена определенному преступлению. Были заключены многосторонние соглашения о борьбе с такими ПМНХ, как пиратство, работорговля (позднее таковым признается и рабство), торговля женщинами и детьми, фальшивомонетничество, незаконная торговля и употребление наркотиков; распространение порнографических изданий, разрыв или серьезное повреждение подводного кабеля, столкновение морских судов и неоказание помощи на море [11]. Характерной чертой всех заключенных конвенций является наличие в них положений, дающих нормативное определение состава преступления в качестве своего рода общего стандарта, согласованного государствами и предназначенного для использования при установлении или корректировке внутрисударственного уголовно-правового решения о составе преступления. Государства-участники конвенций принимают на себя обязательство обеспечить такое соответствие международного и национального закона, которое гарантировало бы квалификацию данных преступлений как уголовно наказуемых деяний. Кроме того, в некоторых договорах государства обязались оказывать друг другу взаимную помощь в борьбе с этими преступлениями, включая выдачу преступников. Международно-правовая ценность межгосударственных соглашений XIX – начала XX в. заключена, на наш взгляд, как в признании отдельных уголовных преступлений ПМНХ, так и в том, что совокупность содержащихся в этих договорах международно-правовых норм, дает возможность говорить о находящейся в стадии становления специфической отрасли международного права – международном уголовном праве.

Понятие «международное уголовное право» появилось в науке меж-

дународного права в конце XIX в. Концепция МУП обосновывалась не столько практикой, сколько логическими рассуждениями о необходимости такой отрасли международного права. Предмет МУП ограничивался, в основном, вопросами оказания правовой помощи в виде выдачи преступников, а также охватывал определение пространственной сферы уголовной юрисдикции государств. По мнению В.Э. Грабаря, действии МУП до XX в. сводится, в основном, к двум вопросам: «...к пространственному действию уголовного закона и к взаимному содействию государств при осуществлении ими своих карательных функций, в особенности путем выдачи преступников» [12].

Одним из первых концепцию МУП выдвинул профессор Санкт-Петербургского университета Ф.Ф. Мартенс. Он установил, что МУП «заключает в себе совокупность юридических норм, определяющих условия международной судебной помощи государств друг другу при осуществлении ими своей карательной власти в области международного общения» [13].

МУП, начиная с XIX в., посвящали свои работы многие ученые. В монографических исследованиях зарубежных авторов вопросы сотрудничества государств в борьбе с преступностью, как правило, включались в раздел «Международное уголовное право». Характерно в этом отношении содержание работ Ф. Листа, В. Пелла, А. Ривье, Г. Шварценбергера, Д. Ойлера, Г. Гиману, М.Ш. Бассиони и др. В 1972 г. Б. Шуттером была издана объемная библиография по МУП [14].

В советской науке международного права вопросами МУП занимались А.Н. Трайнин, А.С. Ромашкин, М.Д. Шаргородский, Л.Н. Галенская, Ю.А. Решетов, И.И. Карпец, Г.В. Игнатенко, В.И. Степаненко, В.П. Панов, И.П. Блищенко и др. Анализ работ русских дореволюционных ученых-международников (Н.М. Коркунова, Ф.Ф. Мартенса, Л.А. Камаровского, В.А. Уляницкого) свидетельствует о том, что в предмет МУП они вкладывали в сущности два вопроса. Первый – о правах и обязанностях государств в преследовании уголовных правонарушений, совершенных за пределами их территории. Второй – на каком основании и в каких размерах государства обязаны оказывать друг другу помощь в преследовании за совершение уголовных преступлений. Оба эти вопроса представителями науки международного права решались по-разному. Применительно к первому выдвигались 4 концепции: территориальное действие уголовных законов, теория личной подсудности, реальная теория и космополитическая или универсальная теория. Российские ученые в большинстве своем придерживались универсальной теории [15]. Сущность ее заключалась в том, что «...каждое преступление, где и кем бы оно ни совершалось – есть посягательство на общий юридический порядок, объемлющий все государства, поэтому никакое преступление не должно быть оставляемо безнаказанным и каждое государство, держащее преступника во власти, должно наказать его»

[16]. С критикой космополитической теории выступили в своих работах Н.С. Таганцев и Ф.Ф. Мартенс, указывая на то, что в основе ее должна быть положена общность юридических интересов отдельных государств, чего в действительности не существует. Анализируя данную проблему, Ф.Ф. Мартенс выступил за необходимость разработки единых норм МУП, которыми могли бы руководствоваться государства.

Итак, к началу XX в. понятие МУП включало указание на его основные элементы. Так, В.Э. Грабарь, анализируя работы российских юристов-международников XIX – начала XX вв. пришел к выводу, что «международное уголовное право содержит начала и нормы уголовного права, направленные на борьбу с преступлениями, посягающими на блага всех государств или определенной части их» [12]. На основе такого понимания были выделены нормы материального права (определяющие соответствующую категорию преступлений) и нормы процессуального права (регулирующие борьбу с этими преступлениями). Русская дореволюционная доктрина МУП касалась, главным образом норм процессуального права. В.Э. Грабарь подчеркивал: «международное уголовное право до XX века было главным образом процессуальным...» [17]. В.А. Уляницкий сделал попытку раскрыть связь между материальным аспектом МУП и признанием известных деяний вредными и опасными для международного правопорядка. В термин «международное уголовное право», помимо вопросов о подсудности, пространственном действии уголовных законов и правовой помощи государств, он вкладывал также нормы, регулирующие сотрудничество государств в борьбе с ПМНХ. Таким образом, к началу XX в. в трудах русских дореволюционных авторов начинают появляться определения МУП, содержащие в основном вопросы процессуального характера и, отчасти, материального права, что значительно сказалось на становлении МУП. Впоследствии существенно расширился предмет регулирования материальных норм. Появились новые категории МНП, стало необходимым ввести их новую классификацию. Изменилась структура субъектов МНП. Это, естественно, отразилось на процедуре реализации материальных норм. Помимо детализации международных процессуальных норм повышалась их формализованность, столь свойственная национальному процессуальному и, тем более, уголовному праву. Стало возможным говорить о возникновении международной уголовной юрисдикции. Такие качественные изменения заставили пересмотреть определение МУП. В процессе пересмотра некоторые исследователи делали акцент на отдельных сторонах МУП. Понимание МУП существенно усложнилось. Одновременно существовало пять-шесть различных концепций МУП.

Справедливым будет отметить, что наибольшее внимание в трудах ученых-международников периода 20-х – 30-х гг. XX в. уделялось институту выдачи преступников. В 30-х гг. резко ухудшилась междуна-

родная обстановка, что не могло не отразиться на международном праве. В развитие МУП этого времени большой вклад внес крупный советский ученый А.Н. Трайнин, уделивший в своих работах много внимания проблемам уголовно-правовой защиты мира. Автор разработал концепцию преступлений против мира, теоретически обосновал вывод о том, что, несмотря на общественную опасность таких общеуголовных преступлений, как пиратство, торговля женщинами, наркотиками, подделка денег и др., для человечества в целом гораздо большую угрозу несут такие МНП, как военные преступления и преступления против мира [18]. Он подробно проанализировал вопрос о возникновении и развитии движения по уголовно-правовой защите мира, исследовал проблему соотношения национального и международного права, обосновал необходимость использования национального законодательства в деле борьбы против агрессии. Ученый вплотную подошел к теоретической разработке понятия субъекта международного преступления. Все это, бесспорно, создало необходимые научные предпосылки для дальнейшего развития теории международного уголовного права.

Становление и развитие МУП в значительной степени испытывало на себе влияние национального права, и, с другой стороны, МУП стало оказывать влияние на внутригосударственное (например, составы преступлений, предусмотренные в уставе Нюрнбергского международного военного трибунала, преступление геноцида по Конвенции о геноциде 1948 г.). В настоящее время определяющая тенденция в практике государств – непосредственное действие международного соглашения в силу акта ратификации или присоединения после опубликования в официальном органе государства, и в этом случае положения договора имеют преимущественную силу перед внутригосударственным законом. Трансформация может выражаться в принятии новых национальных уголовных законов или во внесении изменений и дополнений в существующие. Необходимость ее обусловлена прежде всего закреплением в национальном уголовном праве конкретных санкций за совершение МНП и ПМНХ. Обратное влияние внутригосударственного права на МУП может выражаться в механизме разработки и принятия в рамках деятельности международных организаций или на международных конференциях международных норм по совместной борьбе с отдельными опасными для международного сообщества преступлениями, вплоть до создания международных трибуналов и осуждения виновных лиц. Государства через своих представителей в Комиссии международного права, а также, представляя мнение своих правительств на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, других международных организаций, принимают активное участие в создании норм МУП. По мнению И.П. Блищенко, влияние внутригосударственного уголовного законодательства на разработку и формирование международных договоров в сфере МУП выражается, во-первых, при формировании право-

сознания представителей государств, в позиции государств на переговорах, использовании правовых категорий национального уголовного права при разработке тех или иных норм международного договора; во-вторых, в применении международными судами, в том числе арбитражными и третейскими, норм внутреннего права в качестве юридических фактов, вспомогательного средства для определения действия международно-правовых норм, необходимых для выполнения решения по делу [19]. Анализ влияния международных договоров в области МУП на внутригосударственное, прежде всего уголовное право, позволяет сделать вывод, что в случае противоречия нормы международного договора, вступившего в силу, и нормы внутригосударственного закона на территории государства, действует норма международного договора. Речь идет о выполнении обязательств по международному договору, что в области МУП означает неотвратимость ответственности и наказания за международные преступления и преступления международного характера. Если в качестве примера взять институт международной уголовной ответственности индивида, то надо отметить, что основа формирования этого института – идея о преступности и наказании за агрессивную войну. Эта идея оказала влияние на формирование в период между двумя мировыми войнами принципа запрета агрессивной войны, квалификацию ее как международного преступления, оформление ответственности государства-агрессора и индивидуальной уголовной ответственности. Попытки международного сообщества привлечь к уголовной ответственности виновных в совершении тяжких МНП, выразившихся в развязывании агрессивной войны, были предприняты после завершения первой мировой войны. В Версальском мирном договоре, подписанном 28 июня 1919 г., впервые содержались положения об ответственности физических лиц за нарушение мира и превращение государства в орудие тяжчайших военных преступлений. Вопрос об уголовной ответственности за преступления, совершенные Вильгельмом II и его соратниками, была специально посвящена седьмая часть, озаглавленная «Санкции». Поскольку как сам Договор, так и заключенные в его развитие соглашения не содержали четких формулировок состава преступления, мер наказания за него, не был определен суд, на который возлагалось бы осуществление правосудия, а также тот факт, что принцип ответственности за агрессию еще не вошел в общее международное право, Вильгельм II и другие виновники войны остались безнаказанными [20]. Тем не менее, Версальский договор 1919 г. провозгласил наказуемость нарушений законов и обычаев войны, и в связи с этим он стал определенным этапом в развитии МУП.

Первым многосторонним актом, запретившим агрессию и объявившим ее вне закона, был Парижский пакт 1928 г. (Пакт Бриана-Келлога). Принцип противоправности агрессивной войны стал одной из основных норм международного права: война, как «орудие националь-

ной политики», была запрещена. Однако отсутствие в нем определения агрессии и нападающей стороны было одним из существенных недостатков.

Долгое время цивилистическая концепция ответственности была господствующей в международном праве, а единственным субъектом такой ответственности признавалось государство. Объяснялось это отсутствием дифференцированного подхода к различным международным правонарушениям.

В период второй мировой войны идея наказания военных преступников, развязавших эту войну, нашла свое воплощение во многих международно-правовых актах. Наступил новый этап в развитии теории МУП. Уже в годы войны были заключены международные соглашения, предусматривавшие наказание фашистских преступников. Среди них: Декларация о наказании за преступления, совершенные во время войны, от 13.01.1942 г., Московская декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства от 30.10.1943 г. А восьмого августа 1945 г. в результате переговоров между представителями Советского Союза, США, Англии и Франции в Лондоне было подписано Соглашение «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси», на основании которого был учрежден Международный военный трибунал (МВТ) для суда над главными военными преступниками стран оси и принят устав, определяющий порядок организации Трибунала и принципы его работы [21]. Первые судебные процессы, в ходе которых было реализовано требование народов о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении массовых преступлений против мира и человечности, военных преступлений на оккупированных гитлеровской Германией землях, состоялись еще в июле 1943 г. – в Краснодаре, в конце 1943 г. и в 1944 г. – в Харькове, Минске, Риге. Эта судебная практика стала своеобразной прелюдией Нюрнбергского процесса, проложившей дорогу применению и реализации многих норм и принципов, составивших позже основу нюрнбергского права. Полувековая ретроспектива позволяет со значительной полнотой определить историческое значение событий, завершивших вторую мировую войну. Принятие Устава МВТ, определение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности как МНП, влекущих за собой индивидуальную ответственность, вынесение приговоров Нюрнбергского и Токийского трибуналов, получивших широкое международное одобрение (11.12.1946 г. ГА ООН приняла Резолюцию 95(1), в которой подтвердила «принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедшие отражение в Приговоре Трибунала») [22] способствовали появлению в международном праве нового важного института международной уголовной ответственности индивидов за МНП. На протяжении веков от войн страдали народы, а ввергшие их в бед-

ствия руководители обеспечивали себе иммунитет. Их охраняло и международное право, достаточно вспомнить о государственном иммунитете, о доктрине «акт государства». И только после двух мировых войн, в которых погибли десятки миллионов людей, в середине XX в. была закреплена в международном праве уголовная ответственность руководителей государств за тяжчайшие МНП. Была заложена основа новой концепции МУП.

Незадолго до окончания второй мировой войны, 26.06.1945 г., в Сан-Франциско был подписан текст Устава ООН, ст. 2 которого запрещает применение силы или угрозу силой в международных отношениях. Однако, определение агрессии было принято ГА ООН только 14.12.1974 г. (резолюция 3314). Устав ООН явился основой для разработки всех последующих конвенций по пресечению преступных нарушений прав человека. Одной из первых таких норм явилась Конвенция, принятая 9.12.1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. На базе международно-правовой практики и развития теоретических представлений постепенно формировалось общее понятие МНП. В Проекте статей об ответственности государств, одобренного Комиссией международного права ООН в 1976 г., к МНП были отнесены: агрессия, установление или сохранение силой колониального господства, рабство, геноцид, апартеид и экоцид.

Вопрос о международной правосубъектности в целом, и особенно о статусе индивида в международном праве, является одним из наиболее спорных в юридической науке. В литературе по международному праву была распространена точка зрения, согласно которой субъектом международного правонарушения и преступления является лишь государство, а индивид может отвечать только на основе норм внутригосударственного права [23]. Это мнение опровергается практикой современных международных отношений и положениями многих межгосударственных договоров. После второй мировой войны в международном праве произошли кардинальные изменения. В результате принятия Устава ООН, Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Пактов о правах человека 1966 г. и других международно-правовых актов индивид получил международные права и обязанности, т.е. стал субъектом международного права. Развитие сотрудничества государств в области прав человека на универсальном и региональном уровнях с каждым годом расширяет объем прав, предоставляемых индивиду различными международными соглашениями. Объявляя то или иное действие индивида уголовно наказуемым либо влекущим за собой иные виды ответственности, они обязывают государства подвергнуть виновных лиц наказанию. Во исполнение подобных обязательств государства-участники устанавливают определенные нормы в своем внутреннем законодательстве. В настоящее время институт международной уголовной ответственности индивида является общепризнанным. Но в зависимости от отно-

шения к вопросу о международной правосубъектности индивида в него вкладывается различное содержание. А. Фердросс считает, что «отдельные лица в принципе не являются субъектами международного права, так как международное право защищает интересы индивидуумов, однако наделяет правами и обязанностями не непосредственно отдельных лиц, а государства, гражданами которого они являются» [24]. Распространенной является точка зрения, согласно которой государство, совершая МНП, входит в прямое соприкосновение с нормами международного права. Индивид же нарушает принципы и нормы международного права через посредство государства. За эти нарушения он несет ответственность, и именно «в международном праве следует искать основания уголовной ответственности данных лиц», но «не ответственность является международно-правовой, а ее основания» [25]. В силу действия Конвенции о геноциде 1948 г. и Конвенции об апартеиде 1973 г. существует возможность привлечения к международно-правовой ответственности физических лиц за нарушение норм международного права посредством международных судебных органов. Доказательством последнего положения может служить деятельность МВТ после второй мировой войны. Следует отметить, что права человека находятся в центре внимания при разработке процедуры ответственности индивидов за МНП, что находит конкретное проявление, например, в процессуальных принципах МУП – принципах международного уголовного судебного процесса.

В литературе часто отмечается отсутствие четкого различия между преступным поведением государства и его представителей и преступным поведением других лиц. Сопротивление государства как изъятию дел из его исключительной территориальной юрисдикции, так и рассмотрение его преступных действий или действий его представителей в судах других государств или МУС одинаково велико [26]. Выходом из этого положения может быть лишь создание полномочного следственного органа и судебной инстанции, действующих в соответствии с четкими процессуальными правилами, которые будут способны установить факт соучастия государства в каждом конкретном случае и вынести решение о юридических последствиях для виновного. Если индивид, совершая международное преступление, действует от имени государства, возникает также вопрос о международно-правовой ответственности данного государства. Разногласия же об ответственности государства за МНП, вызваны разным подходом к содержанию ответственности за МНП, хотя сама возможность несения государством ответственности за совершение МНП ныне является общепризнанной [27]. Специфика многих МНП состоит именно в том, что они совершаются не частными лицами, а теми, кто занимает официальное положение и действует от имени государства, организующего такие преступления. В связи с этим трудно себе представить, что правительство, виновное в МНП, согласится

на предание суду исполнителей его распоряжений, а тем более допустит вынесение обвинительных приговоров. Это было одной из причин для создания Международного уголовного суда (МУС) [28]. Впервые идея создания международного суда, была высказана на Версальской мирной конференции в 1919 г. Была создана Комиссия, и со временем она составила список из 895 предполагаемых военных преступников, которые могли бы предстать перед таким судом. Наряду с этим комиссия предложила предать суду руководителей Турции, выступавшей в союзе с Германией во время войны, «за преступления против законов человечности» в связи с геноцидом армян в 1915 г., происходившим на фоне военных действий. Эти рекомендации не были выполнены.

Многие государства обоснованно опасались и продолжают опасаться, что такой суд может стать инструментом политики крупных держав. Подтверждением тому служит история международного права. В 1934 г. при посещении Франции хорватскими террористами были убиты король Югославии Александр I и министр иностранных дел Франции Л. Барту, добивавшийся создания системы коллективной безопасности перед лицом надвигавшейся войны. Нити преступления вели в Берлин и Рим. Мировая общественность потребовала усиления борьбы с международным терроризмом вплоть до создания МУС. В таких условиях Лига Наций в 1937 г. приняла Конвенцию о предупреждении терроризма и наказании за него. Конвенция содержала Статут международного уголовного трибунала. Однако только одно государство (Индия) ратифицировало Конвенцию [29].

Предложение учредить постоянный международный суд по уголовным делам выдвигалось и после второй мировой войны. Тогда он воспринимался как естественное продолжение Нюрнбергского и Токийского трибуналов, и одним из сторонников этой идеи был главный американский судья в Нюрнберге, бывший генеральный прокурор США Ф. Биддл. В то время это предложение не получило дальнейшего развития, так как великие державы, озабоченные усиливающейся «холодной войной», не смогли договориться о полномочиях этого органа. В 1989 г. на сессии ГА ООН прозвучало предложение Тринидада и Тобаго об учреждении суда для противодействия международной торговле наркотиками. Данное предложение было передано в Комиссию международного права (КМП), где, вероятно, было бы опять похоронено, если бы не мощное вмешательство самой истории. В 1989 г. закончилась «холодная война», и вскоре после этого развернулись военные действия в бывшей Югославии. В итоге 25.11.1992 г., ГА ООН приняла резолюцию с требованием к КМП разработать положение о постоянном международном суде по уголовным делам [30].

Учреждение Международных Трибуналов по бывшей Югославии (1993 г.) и по Руанде (1994 г.) стало значительным шагом вперед по сравнению с Нюрнбергским и Токийским трибуналами, не достигшими той

степени универсальности и всеобщности осуждения, которых требует совершение МНП. Международный Трибунал по бывшей Югославии имел мандат на уголовное преследование и наказание преступников, представлявших все противоборствующие стороны конфликтов в Хорватии и Боснии. Соответственно, он неуязвим для обвинений в «правосудии победителя». МУС продолжит эту линию и получит мандат на борьбу с теми, кто совершает преступления, подпадающие под его юрисдикцию. Статут МУС, принятый в Риме на дипломатической конференции полномочных представителей государств под эгидой ООН в июле 1998 г., значительно расширил категорию МНП. Он предусматривает учреждение Суда после того, как будет ратифицирован 60 государствами. МУС не заменит суды национальной юрисдикции, а лишь дополнит их. Общей целью создания МУС является борьба с преступностью на стадии осуществления правосудия и реализации принципа ответственности индивида за наиболее тяжкие преступления, касающиеся интересов международного сообщества. Суд видится эффективным, независимым, авторитетным органом, своего рода гарантом надлежащего осуществления правосудия в отношении тяжких МНП.

В современных условиях все больший круг отношений, когда-то являвшихся сугубо внутренними, становится предметом международного сотрудничества и международно-правового регулирования. В 1946 г. видный румынский криминалист-международник В. Пелла, сравнивая внутри- и межгосударственную организацию общества заявил, что нормы МУП должны применяться ко всем государствам так же, как нормы национального уголовного права применяются ко всем гражданам [31]. Данный тезис тогда не нашел широкой поддержки. Необходимо подчеркнуть, что сегодня все большее признание получает постулат о том, что «уже сейчас появляются такие международные договоры и соглашения, которые становятся обязательными и для государств, их не подписавших. Речь идет о договорах, предмет которых жизненно важен для всего человечества» [32]. Возможность изменения правила о действии международных договоров в отношении третьих государств исследователи этой проблемы связывают с необходимостью отвечать нуждам растущей интеграции и даже некой централизации международного сообщества [33]. Указанные выводы относятся к договорам МУП. Тенденция изменения классического права международных договоров наметилась уже давно. Ее проявлением можно считать, например, запрещение денонсации договора во время наступления ситуации, при которой начинается практическая реализация его положений (ст. 631 I Женевской конвенции о защите жертв вооруженных конфликтов, как и ст. 62 II Женевской конвенции, ст. 142 III Женевской конвенции, ст. 158 IV Женевской конвенции). Женевские конвенции содержат и правило о применении их норм в качестве обычных.

Итак, на сегодняшний день международно-правовая доктрина и прак-

тика свидетельствуют о существовании МУП в качестве самостоятельной отрасли международного права. На основании работ юристов-международников, посвященных анализу системы международного права и с учетом выделенных ими критериев разделения международного права на отрасли, можно сделать вывод о том, что МУП является самостоятельной комплексной отраслью международного права, содержащей материальные и процессуальные принципы и нормы сотрудничества государств по предотвращению, расследованию и наказанию за совершение МНП и ПМНХ (хотя исследователи вкладывают в понятие «комплексность» разный смысл) [34]. Общепринятым методом международно-правового регулирования является выработка и осуществление правовых норм на основе взаимного согласия и добровольности участников таких правоотношений. Меры в рамках реализации ответственности включают элементы силы, поэтому институт ответственности сводится к реальному принуждению, что, по мнению некоторых авторов, не соответствует согласительной природе современного международного права [35]. Однако принуждение как «дозволенное нормами международного права применение силы» (а под силой понимается «мера внешнего воздействия одного субъекта на другой с использованием разнообразных форм и способов давления») [36] является ответной мерой на нарушение международного права и совершение МНП и ПМНХ. Значит, принуждение нуждается в правовом основании, которое создается посредством согласования позиций государств. Принуждение свойственно в принципе всему международному праву, однако в МУП, в силу специфики его предмета, особый характер международно-правового принуждения в случае МНП придает необходимое своеобразие методу регулирования МУП. Таким образом, принуждение, осуществляемое государствами индивидуально или коллективно, как средство защиты прав и обеспечения исполнения обязанностей, является элементом структуры единого метода международно-правового регулирования.

Система МУП имеет характерные черты международного права в целом, наряду со специфическими аспектами уголовного права. Она охватывает принципы и нормы, зафиксированные в международных соглашениях, применяемых к условиям мира и условиям вооруженного конфликта, а также в обоих случаях. Наиболее важная особенность системы современного МУП состоит, пожалуй, в том, что она объединяет нормы, относящиеся не только к уголовному, но и к уголовно-процессуальному праву, а также к судоустройству. Значительное место занимают нормы, регулирующие взаимодействие государств в области уголовного правосудия.

МУП можно определить как совокупность международно-правовых принципов и норм, определяющих составы МНП и ПМНХ, регулирующих деятельность органов международной уголовной юстиции, а также отношения между государствами в их общей деятельности по предотвращению и пресечению МНП и ПМНХ. Задача МУП – уста-

новление ответственности субъектов международного права и наказание лиц, виновных в совершении МНП и ПМНХ, а также общеуголовных преступлений, нарушающих установленный международным сообществом и отдельными государствами правопорядок, как на основе международных соглашений, так и с помощью национальных правовых систем [37].

В данный период своего развития МУП характеризуется большим объемом нормативной базы, состоящей из многочисленных многосторонних международных конвенций по борьбе с международной преступностью, международных соглашений о правовой помощи по уголовным делам. Вместе с тем, кодификация МУП продолжается. Дальнейшее развитие МУП в значительной степени связано с разработкой проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и вступлением в силу Статута Международного Уголовного Суда.

Список литературы:

1. Отзыв правительства Аргентины на проект статей об ответственности государств // Док. ООН: А / CN.4 / 488 / Add. 1.30 Arg. 1998.
2. Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право: Учебник. – М.: Спарк, 1999. – 287 с.
3. Glaser St. Introduction a l'etude du droit penal international. – Brux. P., 1954. – P. 9; также об этом см.: Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. – М., 1983. – С. 201-202.
4. Plawski St. Etude des principes du droit international penal. – P., 1972. –P. 13.
5. Какимова А.Р. Международное уголовное право (становление и современные тенденции развития): Дис... канд. юрид. наук. – Казань, 1996.
6. Bedi S.D. Extradition in International Law and Practice. – Rotterdam, 1966. – P. 16.
7. Цит. по: Лукашук И.И., Наумов А.В. Указ. соч. – С. 11.
8. Галенская Л.Н. Международная борьба с преступностью. – М.: Изд-во «МО», 1972. – С. 116.
9. См.: «АИЛ». – 1955. – Vol. 1-2. – P. 41.
10. Оппенгейм Л. Международное право. – Т. 1, п/г 2. – М.: ИЛ, 1949. – С. 259; Валеев Р.М. Выдача преступников в современном международном праве. – Казань: Изд-во КГУ, 1976. – С. 14.
11. Подробнее см.: Галенская Л.Н. Указ. соч., с. 26-116.
12. Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917). – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 456.
13. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. II. – СПб., 1896. – С. 379.
14. Schutter V. Bibliography on International Criminal Law. – Leiden, 1972.
15. Шмидт А.В. Международное право. – Казань, 1889. –С. 467-469; Уляницкий В. Международное право. – Томск, 1911. – С. 324; Коркунов Н.М. Опыт реконструкции международного уголовного права. Журнал уголовного и гражданского права. – 1889. – № 1.
16. Даневский В.П. Пособие к изучению истории и системы международного права. Вып. 2. – Харьков, 1892. – С. 34.
17. Грабарь В.Э. Указ. соч., с. 457.
18. Трайнин А.Н. Уголовная интервенция. - М., 1935.; его же: Защита мира и уголовный закон. - М., 1937.
19. Блищенко И.П. Соотношение норм международного и национального уголовного права // Проблемы реализации норм международного права. – Свердловск, 1989. – С. 63.
20. Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон. – М.:Наука, 1969. – С. 148-150.
21. Действующее международ-

ное право: В 3-х т. / Сост. Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. – М., 1997. –Т. 3. – С. 761-770. 22. Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками: Сб. документов: В 7 т. – М.: Госюриздат, 1961. – Т. 7. – С. 550. 23. Василенко В.А. Ответственность государств за международные правонарушения. – Киев, 1976. – С. 96-119. 24. Фердросс А. Международное право. – М., 1959. – С. 146. 25. Черниченко С.В. Статус подсудимых в международных судебных органах // Советское государство и право. – 1971. – № 7. – С. 65; также см.: Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. – М., 1966. – С. 43. 26. Toward a Feasible International Criminal Court. Ed. by Stone J. and Woetzel R. – Geneva, 1970. – P. 340. 27. Bassiouni M.Ch. Characteristics of International Criminal Law Conventions / International Criminal Law. – N.Y., 1986. – Vol. 1. – P. 48. 28. Права человека Учебник для вузов / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. – С. 530-531. 29. Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право: Учебник. – М.: Спарк, 1999. – С. 96-97. 30. Найер А. Военные преступления: Геноцид. Террор. Борьба за правосудие / Пер. с англ. – М.: Юрист, 2000. – С. 334. 31. Pella V. La Guerre – crime et les criminals de guerre. Geneve – Paris, 1946. – P. 126. 32. Блищенко И.П. Социалистическая концепция международного права. – М., 1991. – С. 75. 33. Cahier Ph. Le probleme des traites a l'egard des etats tiers. Academie de Droit International. Recueil des Courts. 1974 – III. Т. 143. Leyden, 1975. – P. 616. 34. Решетов Ю.А. Указ. соч. – С. 209. 35. Мелешников А.В., Пушмин Э.А. Международно-правовая ответственность: Понятие, процессуальные вопросы реализации // Советское государство и право. – 1988. – № 8. – С. 87. 36. Василенко В.А. Международно-правовые санкции. – Киев, 1982. – С. 5, 6. 37. Блищенко И.П., Фисенко И.В. Международный уголовный суд. – М., 1994. – С. 19.

Надійшла до редколегії 16.10.2000

*О.М. Анохін, канд. юрид. наук,
доцент каф. державно-правових дисциплін
Кримського факультету Ун-ту внутр. справ*

Проблеми підготовчої діяльності комітетів Верховної Ради України

Участь комітетів у нормотворчій діяльності ґрунтується на реалізації компетенції Верховної Ради як єдиного законодавчого органу влади. Однак, крім цього напрямку роботи, Верховна Рада України здійснює й інші функції по управлінню державою і суспільством. Саме для виконання даних функціональних напрямків Верховної Ради і проводиться робота комітетів по попередній підготовці питань державного, господарського та соціально-культурного будівництва. Найсуттєвіша відміна цієї діяльності від законодавчої полягає в тому, що вона здійснюється допоміжними органами Верховної Ради України, в той час як у законодавчій роботі беруть участь й інші суб'єкти з особливим правовим статусом.